

«Материальное» и «идеальное» в библиографоведении

Рец. на кн.: Соколов А. В., Фокеев В. А. Библиографоведение: Terraincognita. Диалог о библиографической науке : науч.-практ. пособие / А. В. Соколов, В. А. Фокеев. – Москва : Литера, 2010. – 206 с. – 1000 экз.

Отечественное библиографоведение, прошедшее как минимум полувековой путь активного формирования, пополнилось новым обобщающим трудом. Это книга А. В. Соколова и В. А. Фокеева «Библиографоведение: Terraincognita. Диалог о библиографической науке» (Москва : Литера, 2010. – 206 с.).

Авторы считают, что это «первая в отечественном библиографоведении попытка наладить сотрудничество независимых теоретиков-библиографоведов»* и ставят своей сверхзадачей «совершение новой научной революции в библиографоведении» [11. С. 6, 9]. Основой революции, очевидно, должен послужить труд одного из соавторов – В. А. Фокеева «Библиографоведение: теоретико-методологические основания», идеи которого используются как канва книги [13].

В отличие от коллективного сборника «Российское библиографоведение: итоги и перспективы» [7], на страницах которого библиографоведы изложили итоги проводимых ими исследований, новая книга представляет собой диалог известных теоретиков. Этот диалог касается всех основных вопросов теории библиографии: экспликации понятия *библиография*, основополагающих категорий библиографии, принципов и закономерностей библиографической деятельности, концепций библиографии, библиографоведения как науки, истории его формирования и др.

Такое обсуждение по существу важнейших теоретических вопросов, оценка своих работ и достижений коллег не могут не быть субъективными. Как же звучат голоса теоретиков – в унисон или несогласованно? Рассмотрим важнейшие из обсуждаемых в книге проблем.

Проблема определения метасистемы библиографии. Определение метасистемы библиографии, т.е. более широкой системы, к которой принадлежит это явление, – важнейшая задача науки о библиографии, которая в разные времена решалась по-разному. В качестве метасистемы (сам термин использовался не всегда) рассматривались: книжное дело, просвещение, пропагандистская деятельность, сфера культуры и др.

После разработки О. П. Коршуновым документально-информационной концепции (он называет её «системно-деятельностной, документально-информационно-коммуникационной концепцией начала общей теории библиографии» [7. С. 195]), которая в ключевой своей идее восходит к документалистским идеям Поля Отле, в отечественном библиографоведении, на наш взгляд, можно считать доказанным, что на современном этапе развития общества, средств сохранения и передачи знаний/информации в нем, метасистемой библиографии является система документальных коммуникаций [4. С. 38]. Это теоретическое положение признают ведущие библиографоведы – М. Г. Вохрышева [1. С. 18], А. В. Соколов [11. С. 17–18].

В. А. Фокеев предлагает в качестве метасистемы библиографии использовать понятие *ноосфера*. Определение: «метасистема библиографии – социокультурный познавательно-коммуникационный (ноосферный), ценностно-ориентированный комплекс в составе универсума человеческой деятельности, в пределах которого осуществляются познание ноосферы, идентификация системы объектов – источников знания и средств коммуникации, ценностной ориентации в ценностях культуры» [Там же. С. 15]. Если убрать лингвистические красоты, получается, что метасистема библиографии – это «ноосферный комплекс, в пределах которого осуществляется познание ноосферы и идентификация источников знания» (очевидно, документов? Или всех существующих «источников знания»? – Т. Л.).

На наш взгляд, «познание ноосферы» (если использовать такую терминологию для определения сферы бытия человеческого общества) – это задача философии. А «идентификация источников знания» (документов) – конкретная задача библиографической деятельности, но не ее метасистема. Есть и более лаконичная формулировка: «метасистема библиографии – ноосфера, где библиография представляет собой особый феномен» [7. С. 218; 11. С. 15].

Содержательная и точная критика основных положений концепции В. А. Фокеева дана О. П. Коршуновым [4. С. 24–30]. К его словам можно ничего не добавлять. Конечно, приятно, как и в средние века, считать свою (библиографическую) сферу деятельности «наукой наук», но тогда придется признать, что за прошедшие века мы мало продвинулись в деле ее научного осмысления.

Даже соавтор В. А. Фокеева – профессор А. В. Соколов – мудро замечает, что «ближайший род библиографии нужно искать не в гипотетической ноосфере, а в реально существующей системе духовного производства человеческого общества» [11. С. 15]. И точнее: «Именно книжная коммуникация породила библиографию, здесь налицо прямая генетическая связь. Отсюда следует, что ближайшим, именно *ближайшим*, непосредственно смежным понятием для понятия библиографии является книжное дело или, другими словами, *документальные коммуникации*, которые *представляют собой метасистему библиографии*» [Там же. С. 17, 185].

Проблема сущности библиографии. Хорошо известна точка зрения О. П. Коршунова по этому вопросу: сущность библиографии заключается в понятии *библиографическая информация*. Оно же служит критерием отграничения библиографических явлений от неблиблиографических. Четко и логично. Еще в своей монографии О. П. Коршунов писал, что суть библиографии заключена в возможности заменить документ стандартизованным набором символов (описанием документа, дополняемым в нужных случаях содержательной характеристикой) и противопоставить реальному хаосу рассеяных в мире документов символическую структуру упорядоченных сведений о них [3. С. 75]. В рецензируемой книге, к сожалению, не отражена эта точка зрения.

Адепты когнитивного подхода словами А. В. Соколова утверждают: «субстанциональная сущность библиографии – библиографическое знание» [11. С. 19]. Определение понятия *библиографическое знание* в рассматриваемой книге не приводится.

В известной монографии В. А. Фокеева читаем: «Библиографическое знание – один из компонентов содержания личного и общественного сознания» [15. С. 11]. С этим трудно спорить. И еще: «Библиографическое знание, имея своим объектом фиксированные кванты любого знания, выполняет задачу их выделения, идентификации, обеспечения интеллектуального доступа к ним для использования в различных видах жизнедеятельности» [Там же. С. 9].

А. В. Соколову остается лишь «солидаризироваться с утверждениями об особенностях библиографического знания как “знания о знании”, о видах и уровнях библиографического знания, о специальном языке для записи библиограмм» и другими положениями концепции В. А. Фокеева [11. С. 19].

В одной из статей В. А. Фокеев даёт определение: «Библиографическое знание – результат специфической (библиографической) деятельности, отражающей мир текстовых коммуникаций, обеспечивающей интеллектуальный доступ к нему и содействующей освоению, трансляции книжной культуры» [7. С. 218]. Краткая рецензия – не место для длинных философских споров. Поэтому отметим лишь, что определение уважаемого Валерия Александровича нас не удовлетворяет, так как не объясняет, чем является этот «результат», как он «выглядит», что это такое. Наконец, как соотносится «библиографическое знание» с общей категорией *знание*.

Но обнаружить определение понятия *знание* не так сложно: достаточно взять в руки любой современный словарь (это «собрание квантов», «текст», или все же «документ»?). Читаем: «*Знание* – селективная, упорядоченная, определенным способом (методом) полученная, в соответствии с какими-либо критериями (нормами) оформленная *информация* (курсив мой – Т. Л.), имеющая социальное значение и признаваемая в качестве именно знания» [2. С. 282]. Как по Коршунову писано! Кстати, в своем учебнике Олег Павлович дал емкое и четкое определение: «Информация – это передаваемое и/или воспринимаемое знание». В таком случае: «Библиографическая информация – это передаваемое и/или воспринимаемое библиографическое знание» [4. С. 30]. И никаких «квантов» и «корпускул» – по крайней мере до тех пор, пока не встанет вопрос

об измерении знания!

Проблема общего определения библиографии. Наука о библиографии пытается выработать общее определение библиографии уже в течение нескольких столетий. Именно неудовлетворительные или быстро устаревающие решения этой проблемы, очевидно, заставляют до сих пор считать библиографию «*Terra incognita*».

Выработка определения библиографии напрямую зависит от решения рассмотренных выше проблем. Каковы же предложения соавторов книги? Просто приведем их определения.

А. В. Соколов: «Библиография – поисковая инфраструктура книжного дела, выполняющая функции производства и движения (хранения, распространения, использования) библиографического знания» [11. С. 35]. Вызывает глубокое уважение стремление А. В. Соколова поддержать и защитить мир книжной культуры. Однако, учитывая ремарки автора о том, что место библиографии «в книжном деле, то есть в системе документальных коммуникаций» [Там же. С. 17, 27, 35], может быть, следует более последовательно, а не с оговорками, признать, что книжные коммуникации – это лишь часть документальных коммуникаций?

В. А. Фокеев: «Библиография – компонент социокультурного комплекса документированного знания, коммуникации и ценностной ориентации в информационных потоках и массивах, реализующий интеллектуальный доступ к ноосфере, фиксированным источникам информации (текстам, документам, книгам и пр.) на уровне их идеальных моделей (образов), отвечающий за формирование и развитие информационной (книжной, библиографической) культуры» [11. С. 26].

Многословное определение вызывает больше вопросов, чем дает ответов. «Социокультурный комплекс документированного знания» – это «система документальных коммуникаций»? Что есть «интеллектуальный доступ к ноосфере»? «Фиксированные источники информации» – не что иное, как документы (это и поясняется в скобках). Что такое в реальности «идеальные модели источников информации»? Только ли за формирование «библиографической культуры» отвечает библиография? И, наконец, можете ли вы представить студента (а рассматриваемые труды В. А. Фокеева отнесены к жанру учебных пособий), способного выучить и понять такое определение?

Если непредвзятый читатель ответит на поставленные вопросы, у него, возможно, получится определение, предложенное И. Г. Моргенштерном: «Библиография – это социальная информационная система, обеспечивающая подготовку и функционирование библиографической информации» [6. С. 14]. Но мнения оппонентов когнитивной концепции в книге, к сожалению, не отражены.

Проблема установления функций библиографии. Определение функционального состава библиографической деятельности – задача, которая многие годы оценивается как одна из основных в библиографоведении. Это справедливо, так как функции в общепризнанной трактовке связаны с целеполаганием, т.е., определив функции библиографии, мы сможем ответить на вопрос, какие конкретно задачи она решает. Предлагаемые библиографоведами варианты очень разнятся не только в качественном, но и в количественном плане: от одной основной (поисковой) функции до пятидесяти функций разного порядка [11. С. 21]. Детально этот вопрос рассмотрен в статье К. П. Чуприна [15. С. 353–381].

В. А. Фокеев предлагает три уровня функций библиографии: на первом выделяется единственная, сущностная, функция; на втором – четыре общие, внутренние функции; на третьем – шестнадцать и более внешних, прикладных функций [11. С. 21–22]. Сущностная, основная функция определяется так: «оптимизация когнитивно-информационного отношения взаимодействия и соответствия в системе “мир текстов – мир потребностей в них”, реализация интеллектуального доступа к источникам знания (информации) на уровне их идеальных моделей (образов) и повышение на основе этого информационной культуры личности и общества» [11. С. 21].

«Интеллектуальный доступ» постулируется одновременно как сущность, миссия библиографии и критерий отграничения библиографических явлений от неблиблиографических [Там же. С. 19–20]. Даже соавтор не выдерживает: «...мне невдомек: чем интеллектуальный доступ к источникам знания на уровне идеальных образов (моделей) в виде библиограмм отличается от библиографического поиска?» [Там же. С. 23].

Недоумение вызывают и «идеальные» образы в библиографии. Если вспомним философскую трактовку «идеального», то это нечто существующее не в действительности, а только в сознании; способ бытия предмета, отраженного в сознании. Так «библиограммы» (библиографические записи, пособия, ресурсы), сама библиография, наконец, существуют в реальности, или нет?

В одной из своих статей В. А. Фокеев пишет: «генезис библиографии заключается прежде всего в биосоциальных факторах. БЗ (библиографическое знание – *Т. Л.*) – искусственная знаковая система – “усилитель” такого естественного органа отражения, как мозг» [7. С. 218–219]. Закрадывается крамольное предположение: быть может, не библиография, а «мозг» обеспечивает «интеллектуальный доступ» к любым источникам знания и продуцирует его?

Нам ближе вполне материальный, объясняющий библиографическую реальность подход О. П. Коршунова к трактовке основных вопросов библиографии. Что касается функций библиографии, то в концепции О. П. Коршунова самым убедительным является то, что функции библиографии (поисковая, коммуникативная, оценочная) не просто декларируются, как в остальных концепциях, а «выводятся» путем логических умозаключений из более общих категорий – «документальные и библиографические потребности» [4. С. 79–102].

Проблема объектов библиографической деятельности всегда в той или иной мере находилась в поле зрения библиографоведов. Вместе с расширением объектов библиографирования (документ рукописный, печатный, аудиовизуальный, электронный) шло и развитие все более масштабных теоретических концепций: от «науки книготорговца, состоящей в знании заглавий книг и цен, которые они имеют в книжной торговле» (Грегуар) до «всезнающего информатория глобальной ноосферы» (В. А. Фокеев) [11. С. 197].

Точка зрения В. А. Фокеева по поводу объекта библиографии представлена несколько сумбурно. В одной из работ, например, он утверждает, что «объект библиографии – это знание, заключенное в тексте, или текст» [11. С. 31]. Действительно, в зарубежной библиографии есть так называемая текстологическая школа, которая считает задачей библиографии определение текста-образца, соответствующего воле автора. Отечественный исследователь В. А. Яцко анализировал разработки этой школы и пришел к выводу, что ее следует отнести к текстологии, филологии, но никак не к науке о библиографии [17].

Затем – на другой странице – В. А. Фокеев утверждает, что «квант знания, зафиксированный на материальном носителе, представляет собой первичный, далее не расчлняемый объект библиографирования (библиографическую единицу)» [11. С. 33]. Несколько строками ниже дается принципиальное уточнение: «не просто квант знания, а документированный (закрепленный, фиксированный на определенном носителе-источнике знания), т.е. документом все же являющийся» [Там же]. Остается неясным, чему В. А. Фокеев отдает предпочтение – кванту, тексту, смыслу или документу?

По этому вопросу многие библиографоведы – О. П. Коршунов, И. Г. Моргенштерн, А. В. Соколов – солидарны: объект библиографии – документ. Жаль, что в пылу споров теряется второй компонент двуединого объекта библиографической деятельности – потребитель [4. С. 157–160], а ведь именно от него во многом зависит смысл библиографической деятельности, точность библиографического поиска и другие параметры.

Тем не менее соавторы коснулись вопроса, в котором сосредоточены нынешние и будущие достижения и проблемы библиографии. Именно вопрос об объекте библиографирования, технологические возможности его представления в современной электронной среде, соотношение библиографической, текстовой (фактографической, концептографической) информации определяют направления теоретических поисков и решение «вечных» вопросов: что такое библиография, о чем и какими средствами она должна информировать, какова ее судьба.

Проблема установления закономерностей библиографической деятельности. Выявление законов и закономерностей библиографической деятельности – сложнейший и малоразработанный участок науки о библиографии. Рассмотрению (анализу) вопроса посвящены, пожалуй, одни из лучших страниц книги [11. С. 125–146]. Ведущий голос принадлежит здесь А. В. Соколову. Он справедливо отмечает, что понятия *закон* и *закономерность* практически мало различаются по содержанию [Там же. С. 130].

О. П. Коршунов отметил: «Понятие “закон” вскрывает объективные (существующие независимо от человека) и в то же время наиболее существенные, глубинные, устойчивые структурные характеристики библиографической деятельности как объекта познания» [4. С. 135]. Тем не менее он не взял на себя смелость сформулировать такие законы (обозначена лишь закономерность функционального превращения текущей библиографической информации в ретроспективную).

Следует отдать должное А. В. Соколову: обобщив идеи О. П. Коршунова, он сформулировал основной «закон двойного соответствия» по Коршунову, который «состоит во взгляде на отношения двух структурных элементов библиографической коммуникации (документ – потребитель) как на движущую силу их развития и причину возникновения в данной системе посредника-библиографа, генерирующего и распространяющего библиографическую информацию...» [11. С. 128].

В книге справедливо отмечено, что впервые достаточно полно и систематизированно закономерности развития библиографии изложены М. Г. Вохрышевой [1. С. 24–27]. В настоящее время проблематику законов и закономерностей библиографии наиболее активно и плодотворно разрабатывает А. В. Соколов [8].

В рассматриваемой книге А. В. Соколов подробно характеризует проблему «перехвата научной проблематики», когда библиографические по своей сути закономерности вскрывались смежными научными дисциплинами, прежде всего информатикой. Например, закон концентрации (рассеивания информации в документальных потоках С. Бредфорда), закономерности семантического библиографического поиска в составе теории ИПС, объективация профессиональных информационных потребностей и др. Достижения смежных наук используются и развиваются в библиографоведении. Особенно этим славятся представители петербургской библиографической школы: Л. В. Зильберминц, Г. Ф. Гордукалова, В. А. Минкина, Г. В. Гедримович и другие. Подобное сотрудничество и взаимообогащение наук, безусловно, плодотворно.

А. В. Соколов не избежал соблазна сформулировать свой основной закон библиографии: «поиск в мире документальной коммуникации (мире книг) фактических данных о документах (книгах), соответствующих данному запросу» [11. С. 145]. На наш взгляд, такая формулировка, во-первых, нуждается в лингвистической доработке, во-вторых, может быть отнесена и к понятиям *сущность* библиографии, *основная функция* библиографии, *миссия* библиографии, что вряд ли правильно.

В любом случае установление законов, закономерностей и принципов библиографической деятельности – сложнейшая коллективная задача, и любые «кванты» идей будут способствовать ее решению.

В рецензируемой книге четко очерчен круг основных категорий библиографоведения и теоретических проблем, разрабатываемых наукой о библиографии. Это, безусловно, заслуга авторов. В последующем, разрабатывая свою концепцию библиографии или пытаясь создать обобщающую теорию (что важнее), исследователи не смогут игнорировать этот круг.

Авторы богатой по содержанию книги не ограничиваются рассмотрением основных категорий. Они детально и компетентно анализируют объект, предмет, методологию, структуру библиографоведения [11. С. 37–53]; обсуждают проблемы истории библиографии как научной дисциплины [Там же. С. 54–79], этапы эволюции российской библиографоведческой мысли [Там же. С. 79–99], научные подходы [Там же. С. 161–188] и концепции теоретиков [Там же. С. 113–125]. В книге найдется материал и для теоретических дискуссий, и для педагогической деятельности.

Однако содержание книги подтверждает известный факт – толкование любых теоретических вопросов зависит от изначальной методологической установки ученого. Несмотря на все новации «постнеоклассической» науки, в библиографоведении сохраняются две установки: материалистическая и идеалистическая. Несомненно, яркие и увлекательные идеи В. А. Фокеева уносят нас в мир идеальных представлений, художественных образов, «черных квадратов» [5]. Но объяснить жесткий мир вполне материальных информационных потоков, систем, библиографической и других видов информации можно, на наш взгляд, только встав на материалистические позиции. Именно таким подходом славится теория О. П. Коршунова, которая справедливо признается соавтором В. А. Фокеева – А. В. Соколовым «незыблемым фундаментом» отечественного библиографоведения [9, 11. С. 116;].

Тем печальнее видеть в научном издании не просто субъективные, но откровенно неприязненные, провокационные замечания В. А. Фокеева относительно вклада О. П. Коршунова в развитие

библиографоведения [Там же. С. 97, 108]. Это тем более странно, что еще недавно сам В. А. Фокеев утверждал: «Настоящую научную революцию в библиографоведении совершили библиографоведы, выступившие с обоснованием своих концепций в середине 1970-х гг. (упоминались фамилии А. И. Барсука, О. П. Коршунова, Д. Ю. Теплова. – *Т. Л.*)» [13. С. 49]. Многолетний спор ученых, стоящих на разных методологических позициях, хорошо известен в профессиональном сообществе. Но этот спор должен вестись по существу и быть доказательным. Впрочем, дальнейшие дискуссии двух ученых вряд ли возможны.

Пользуясь значительным возрастным преимуществом перед О. П. Коршуновым и затуханием интереса к созданию общетеоретических библиографических концепций, В. А. Фокеев в последние годы активно пытается (простите, Валерий Александрович, за жесткое слово) «продавить» свою теорию, утверждая, что он совершает «бархатную революцию» в библиографоведении [11. С. 197; 12]. Довольно не скромно, не так ли? Обычно ученые создают непротиворечивую концепцию, даже если она удовлетворяет научное познание на ограниченный отрезок времени, а уж научное сообщество и история науки определяют, «была ли революция». Как говорил Ф. Энгельс: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» [18].

Как ученица О. П. Коршунова, его коллега и последователь, возьму на себя смелость утверждать, что «бархатная революция» не состоялась. В ближайшие годы библиографоведение, скорее всего, будет развиваться эволюционно. Будущее покажет, хорошо это или плохо.

Список источников

1. **Вохрышева М. Г.** Теория библиографии : учеб. пособие для вузов / М. Г. Вохрышева. – Самара, 2004. – 367 с.
2. **Всемирная** энциклопедия: Философия XX век / глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Москва : АСТ, 2002. – 976 с.
3. **Коршунов О. П.** Проблемы общей теории библиографической информации : моногр. / О. П. Коршунов. – Москва : Книга, 1975. – 191 с.
4. **Коршунов О. П., Лиховид Т. Ф., Новоженова Т. А.** Библиографоведение: основы теории и методологии : учеб. для библ.-информ. фак-тов вузов / О. П. Коршунов, Т. Ф. Лиховид, Т. А. Новоженова ; под ред. О. П. Коршунова. – Москва : «Издательство ФАИР», 2009. – 336 с.
5. **Лиховид Т. Ф.** «Черный квадрат» как ловушка для синей птицы // Мир библиографии. – 2007. – № 1. – С. 7–9.
6. **Моргенштерн И. Г.** Общее библиографоведение : учеб. пособие / И. Г. Моргенштерн. – С-Петербург : Профессия, 2005. – 208 с.
7. **Российское** библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. / сост. и предисл. Т. Ф. Лиховид ; науч. ред. Т. Ф. Лиховид. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 682 с.
8. **Соколов А. В.** Законы, закономерности и заповеди библиографоведения / А. В. Соколов // Мир библиографии. – 2009. – № 1. – С. 2–19.
9. **Соколов А. В.** Незыблемость фундамента и модернизация фасада / А. В. Соколов // Науч. и техн. б-ки. – 2009. – № 4. – С. 64–75.
10. **Соколов А. В.** Теория библиографии в лабиринте концепций / А. В. Соколов // Мир библиографии. – 2009. – № 3. – С. 19–25; № 4. – С. 9–20.
11. **Соколов А. В., Фокеев В. А.** Библиографоведение: Terraincognita. Диалог о библиографической науке : науч.-практ. пособие / А. В. Соколов, В. А. Фокеев. – Москва : Литера, 2010. – 206 с.
12. **Фокеев В. А.** Бархатная революция в библиографии (вместо заключения) / В. А. Фокеев // Мир

библиографии. – 2006. – № 3. – С. 34–36.

13. **Фокеев В. А.** Библиография: теоретико-методологические основания: учеб. пособие / В. А. Фокеев. – С.-Петербург : Профессия, 2006. – 352 с.

14. **Фокеев В. А.** Ноосферно-культурологическая (когнитографическая) концепция библиографии / Фокеев В. А. // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2006. – С. 216–231.

15. **Фокеев В. А.** Природа библиографического знания : моногр. / В. А. Фокеев. – Москва : 1995. – 352 с.

16. **Чуприн К. П.** Социальные функции библиографии как объект исследования / К. П. Чуприн // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2006. – С. 353–380.

17. **Яцко В. А.** Англо-американское библиографоведение: критический анализ основных направлений : дисс. ... канд. пед. наук : 05.25.03 / В. А. Яцко. – Москва : 1986. – 190 с.

18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aphorism-list.com>